

Рогачёв Сергей Владимирович*, доктор экономических наук, профессор главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Виловатых Анна Вячеславовна**, кандидат политических наук старший научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

Социальные движения в эпоху постправды

Современные процессы трансформации миропорядка сопровождаются технологическими прорывами в ряде отраслей, в том числе в информационно-коммуникационной сфере. Возможности цифровой среды способствуют становлению качественно новой декомпозиции в мировой политике, где интернет используется как пространство мобилизации общественных масс, что происходит вследствие использования на его просторах мощных инструментов информационно-психологического воздействия.

Соответственно, современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), более десятилетия считавшиеся периферийным вопросом глобальной повестки дня, всё чаще сопровождают геополитическую конкуренцию. Данное обстоятельство обуславливает целесообразность осмысления процесса возникновения социальных движений в условиях цифровой среды как фактора и инструмента борьбы политических субъектов за глобальное доминирование.

Эпоха постправды как новая социально-политическая реальность

В последние годы всё более очевидной становится нелинейность развития политических процессов, выражающаяся в их растущей турбулентности и непропорциональности причинно-следственных отношений. Эксперты сходятся во мнении, что с точки зрения управления политическими процессами основная проблема, порождаемая такой нелинейностью, состоит в снижении возможностей качественного прогноза событий в области экономики и политики. Складывающаяся ситуация во многом обусловлена происходящей сегодня технологической революцией, которая развивается во взаимосвязи с научно-техническим и социальным прогрессом¹.

* rogachev33@mail.ru

** VilkaVulkan@yandex.ru

¹ См. подробнее: *Миловидов В.Д.* Инновации, устойчивый рост и энергетика: Возможен ли цивилизационный рывок? // Форсайт. 2019. Т. 13. № 1. С. 62–68.

Одной из первых зарубежных исследователей грядущие социально-политические трансформации в свете распространения сетевых технологий описала американский политолог президент фонда "Новая Америка" Анна-Мари Слотер в конце 1990-х гг.² Учёный отмечала, что под воздействием глобализации государства хотя и останутся наиболее важными акторами мировой политики, но существующие в них институты, вступая во взаимодействие с аналогичными структурами других стран, постепенно выйдут из-под государственного контроля и обретут относительную или полную самостоятельность. Она прогнозировала, что в будущем такие функциональные правительственные сети (*governmental networks*) станут ключевой чертой международной политики, поскольку они многообразны и гибки по своему происхождению, структуре, функциям, масштабам, характеру, числу участников и пр. Двадцатилетие спустя прогноз А.-М. Слотер оправдался – установление "сетевой" реальности состоялось, и человечество вступило в новую технологическую революцию, ознаменованную в том числе прорывными разработками в информационно-коммуникационной сфере³.

Повсеместное распространение интернета и появление в нём соответствующих площадок для коммуникации (прежде всего социальных сетей, Web 2.0) повлияли на социально-политический дискурс в мировом масштабе, наделив пользователей глобальной сети функционалом создания и распространения контента для массовой аудитории. Соответственно, новая реальность самым радикальным образом трансформировала информационную среду и одновременно способствовала утрате традиционными СМИ монополии на массовое распространение информации. Каждая личность стала обладать инструментами быстрого оповещения аудитории любого уровня и масштаба.

Вследствие произошедшего изменения коммуникационной среды общества акценты в информационном пространстве всё больше переносятся с качества материала на сенсационность. По словам Н. Больца, "массмедиа – это индустрия реальности современных обществ, и нередко изображение в массмедиа само и есть то событие, о котором сообщают массмедиа". Учёный продолжает: "...у современного человека мировосприятие заняло восприятие информации, он уже не может самолично сравнивать предлагаемую информацию с „действительностью“. Ибо где она, эта действительность, стоящая за медиа?"⁴

Таким образом, в настоящее время социально-политический дискурс формируется в условиях постоянной гонки за интернет-трафиком, что заставляет даже серьёзные СМИ снизить планку внутренней цензуры, чтобы соответствовать в круглосуточном режиме интернет-форумов и всепроникающих социальных сетей ритму своих традиционных конкурентов и блогеров как новых акторов медийного поля. Они действуют в логике

² Slaughter A.-M. The real new world order // Foreign Affairs. 1997. September/October. URL: http://www.columbia.edu/itc/sipa/S6800/courseworks/real_new_slaughter.pdf (дата обращения: 23.07.2019).

³ Slaughter A.-M. Connections, not armies, make countries powerful // Financial Times. 2016. April. URL: <https://www.ft.com/content/21973144-0544-11e6-9b51-0fb5e65703ce> (дата обращения: 23.07.2019).

⁴ Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. С. 29, 38.

"больше сенсации – больше просмотров – выше доход", когда истина уже не рассматривается в качестве принципиально важной характеристики новостного сообщения⁵.

Становление цифровой среды, происходящее в условиях трансформационных процессов мирового устройства, актуализировало применение в политологическом дискурсе понятия "постправда" (*post-truth era*), в условиях которой формируется новая реальность – в России и мире в целом. Этот термин был впервые использован блогером Дэвидом Робертсоном в статье для онлайн-издания "Грист" (Grist) 1 апреля 2010 г. В ней постправда определялась как политическая культура, где публичная политика (общественное мнение и содержание новостей) почти полностью отрывается от законодательства⁶. В 2012 г. о постправде упомянул американский экономист Пол Кругман с целью охарактеризовать президентскую кампанию Митта Ромни, в ходе которой последний обещал отменить сокращение расходов на оборону, состоявшееся при Бараке Обаме, при том что расходы на оборону в период пребывания его у власти возросли⁷. Понятие "постправда" получило широкое распространение в 2016 г., ознаменованном американскими президентскими выборами и референдумом о членстве Великобритании в Европейском союзе. Авторитетный британский "Оксфордский словарь" объявил термин "постправда" международным словом 2016 г., ссылаясь на 2000%-ный рост его использования в указанном году по сравнению с предыдущим⁸.

В социологической теории постправда переплетается с категорией "симулякр", которую французский учёный Жан Бодрийяр применял к социальной реальности, описывая недобросовестность медиа при освещении событий и медиаподделки⁹. Термин представляет собой эвфемизм и подразумевает наличие в журналистских произведениях недостоверной или неточной информации. Чаще всего это носит сконструированный характер. Таким образом, постправда, по сути, нечто "вместо правды", реальность, когда объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям¹⁰.

Одна из причин современной постправды – объёмы обрушившихся на граждан фейковых новостей (*fake news*), когда люди часто не способны противостоять информационному потоку и готовы охотнее верить придуманным, мимикрирующим под новости, сомнительным сообщениям, чем новостям "солидных" изданий, или по крайней мере сомневаться и проверять

⁵ См. подробнее: Сидненко Г.Ф. Информационное противодействие терроризму: Политологический аспект. М.: Триумф, Лучшие книги, 2019. 220 с.

⁶ Harsin J. Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies // Communication, Culture & Critique. 2015. No. 8 (2). P. 327–333.

⁷ Gray I. Iain Gray: Beware the black art of post-truth politics // The Scotsman. 2012. 1 March. URL: <https://www.scotsman.com/news/opinion/iain-gray-beware-the-black-art-of-post-truth-politics-1-2146059> (дата обращения: 25.09.2019).

⁸ Николаевич И.С. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб.: Питер, 2018. 320 с.

⁹ Definition of post-truth in English // Oxford Dictionaries. Lexico Dictionaries. 2019. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/post-truth> (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁰ Чугров С. Post-truth: Трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Полит. исслед. 2017. № 2. С. 42–59.

источники¹¹. Это происходит из-за того, что раздробленность источников новостей создаёт ситуацию, при которой сенсационная, эмоционально окрашенная лживая информация распространяется с необычайной скоростью.

Например, в ходе предшествовавшей Брекзиту кампании организация "Голосуем за выход" (Vote Leave), лоббировавшая расставание Лондона и Брюсселя, неоднократно выступала с заявлениями, что Соединённому Королевству членство в Евросоюзе обходится в 350 млн фунтов в неделю. Спустя некоторое время её представители стали использовать факт финансовых выплат в том числе для обозначения переводимых Лондоном средств непосредственно в страны ЕС. Несмотря на то обстоятельство, что Институт фискальных исследований назвал эту сумму "заведомо неверной"¹², Vote Leave продолжала использовать такие данные для проведения своей политики вплоть до дня референдума.

Утверждению постправды способствует сама природа человека, который при переизбытке информации склонен доверять нерациональным, эмоциональным доводам в ущерб или даже взамен рациональной аргументации. На современном этапе это происходит в условиях чётко выраженной сегментации интернет-аудитории на отдельные группы, которые стремятся искать и публиковать преимущественно ту информацию, которая подтверждает и укрепляет их взгляды, игнорируя при этом конкурирующие мнения.

Как продемонстрировал ряд экспериментов 1960-х гг., склонность личности отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с её точкой зрения, убеждением или гипотезой (*confirmation bias*), проявляется сильнее в отношении эмоционально значимых для неё вопросов и глубоко укоренившихся воззрений. Современные исследования учёных также свидетельствуют о том, что равномерно распределённую в обществе или внутри конкретных социальных групп устойчивую ложную, ошибочную убеждённость в чем-либо – "симметрию заблуждений", по В. Д. Миловидову, – крайне сложно выявить, поскольку массовое сознание отталкивает, отвергает любое несогласие с ним. Соответственно, люди склонны интерпретировать в принципе неоднозначные свидетельства таким образом, чтобы поддерживалась их точка зрения¹³.

Исследования социальных психологов свидетельствуют: в замкнутом информационном пространстве, где определённые идеи, убеждения подкрепляются посредством передачи сообщений или их повторением внутри закрытой системы, адресаты маловосприимчивы к альтернативной информации и ориентируются на взгляды себе подобных, оценивая их в качестве референтной группы¹⁴.

¹¹ См. подробнее: Модестов С.А., Никитин Д.А., Рабчевский Е.А. Социальные сети как театр информационного противоборства в условиях современной "гибридной" войны // Вестник Академии военных наук. 2019. № 3.

¹² The UK's EU membership fee // Full Fact. 2016. 25 February. URL: <https://fullfact.org/europe/our-eu-membership-fee-55-million/> (дата обращения: 10.10.2019).

¹³ См. подробнее: Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 335 с.

¹⁴ См. подробнее: Нестик Т.А., Михеев Е.А. Информационные войны с использованием систем искусственного интеллекта: Анализ психологических механизмов воздействия //

Из сказанного следует, что в социальных сетях личность окружает себя участниками интернет-сообществ, придерживающимися позиции, аналогичной её собственной. Это не только подкрепляет индивидуальную систему убеждений пользователя социальной или поисковой сети, но и одновременно искажает целостную картину общественного мнения. Магистральная логика обсуждений в блоге или в группе социальной сети нивелирует взгляды и убеждения человека, отклоняющиеся от принятой нормы, тем самым заключая его в изолированной "эхо-камере" (*echo chamber*)¹⁵.

Важно также отметить, что социально-политическая реальность постправды во многом сформировалась благодаря технологическому прогрессу, способствовавшему активному внедрению в информационно-коммуникационные процессы технологий анализа больших данных (*big data*). Они создали возможность предоставления каждому пользователю персонализированной новостной ленты в социальных сетях, основанной на его предпочтениях и сетевой активности. Посредством точного таргетинга (*targeting*)¹⁶ и отбора подходящего контента человек оказывается в уютном "информационном пузыре" (*filter bubble*)¹⁷, экранирующем от нарушающих гармонию его индивидуальной картины мира информационных раздражителей.

Происходящее в последние годы лавинообразное распространение фейковых новостей привело к усилению внимания к проблеме постправды со стороны региональных и международных организаций. Так, в 2017 г. специальный докладчик ООН по вопросам свободы слова и выражения мнения, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организация американских государств опубликовали совместную декларацию "Свобода выражения мнений, фальшивые новости, дезинформация и пропаганда". В этом документе отмечаются негативные социальные аспекты, связанные с рисками открытой информационно-коммуникационной среды, и в то же время указывается на трудности соблюдения принципов честной журналистики с учётом давления со стороны государственной цензуры¹⁸.

Таким образом, по мере достижения качественных технологических прорывов в информационно-коммуникационной сфере и апробирования

Ин-т психологии РАН // Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С. 148–175.

¹⁵ The Echo Chamber Revisited // WNYC. 2011. 17 June. URL: <https://www.wnyc.org/story/143347-echo-chamber-revisited/#transcript> (дата обращения: 13.09.2019).

¹⁶ Таргетирование – механизм информационно-психологического воздействия, позволяющий выделить из всей имеющейся аудитории только ту часть, которая удовлетворяет заданным критериям (целевую аудиторию), и оказать воздействие именно на неё, т.е. персональное обращение к конкретным людям с учётом их индивидуальных характеристик (пол, возраст, профессия, увлечения и т.п.).

¹⁷ Пузырь фильтров – метод персонализированного подбора контента для интернет-пользователя, основанный на его месторасположении, прошлых нажатиях, предпочтениях поиска, а также интересах и предпочтениях друзей.

¹⁸ Amid rise of "fake news", authorities should ensure truthful info reaches public // United Nations. 2017. 10 March. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/03/553122-amid-rise-fake-news-authorities-should-ensure-truthful-info-reaches-public-un> (дата обращения: 08.10.2019).

методик, направленных на изучение социума с целью определения доступности, уязвимости и восприимчивости к поведенческому и установочному воздействию извне, общество вступает в новую информационно-коммуникационную реальность – период постправды. На данном этапе массовое социальное поведение в условиях цифровой среды характеризуется высокой степенью иррациональности. При этом малопредсказуемые колебания социальной деятельности в соцсетях свидетельствуют о возможности перетекания общественного недовольства из виртуальной среды в реальную социально-политическую плоскость, что, как показывает политическая практика, нередко способствует формированию вектора развития социально-политических процессов в отдельных странах и регионах мира.

Интернет как пространство возникновения социальных движений

В настоящее время активно изучается комплекс феноменов, связанных с внутриличностными, межличностными, внутригрупповыми, межгрупповыми и социетальными механизмами восприятия информации в условиях цифровой среды. Предполагается, что многие из этих феноменов лежат в основе общественной популярности ресурсов интернета (в частности, блогов и социальных сетей).

Главным образом современные методики информационно-психологического воздействия в интернет-пространстве базируются на научной основе психометрии (психографии) – развивающемся с 1980-х гг. направлении психологической науки, сосредоточенном на изучении деятельности, интересов и мнений личности. В рамках данного научного направления разработана диспозициональная Пятифакторная модель (*Big Five Personality Model*), в основе которой лежат исследования Гордона Олпорта и Рэймонда Кеттела. Как указывали эти учёные, личность характеризуется индивидуальными различиями в степени и форме адаптации к социальной среде с учётом пяти общих и относительно независимых факторов (диспозиций): экстраверсии, доброжелательности (способности прийти к согласию), сознательности (добросовестности), невротизма (эмоциональной нестабильности), открытости для опыта.

В работах современных зарубежных авторов достаточно убедительно доказывается, что переменные Пятифакторной модели связаны с поведением конкретной личности в социальных сетях. В частности, крупные исследователи в области интеллектуального анализа больших данных Михал Косински и Дэвид Стилллуэлл утверждают, что информация из профилей пользователей социальных сетей ("цифровые следы") предоставляет возможность посредством Пятифакторной модели выявить специфические характеристики личности и использовать их в манипулятивных целях¹⁹.

Соответственно, на современном этапе легкодоступные цифровые записи поведения личности, такие как "лайки", могут быть использованы для автоматического и достаточно точного прогнозирования в том числе

¹⁹ См., напр.: Weedon J., Nuland W., Stamos A. Information Operations and Facebook // Facebook. 2017. 27 April. URL: <https://fbnewsroomus.files.wordpress.com/2017/04/facebook-and-information-operations-v1.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

сексуальной ориентации, этнической принадлежности, религиозных и политических взглядов, личностных качеств, уровня интеллекта, состояния счастья, применения препаратов, вызывающих привыкание, а также пола и возраста. Более того, поведение личности в условиях цифровой реальности может быть описано многими показателями, включая успехи в учёбе, характер работы, социальный статус, здоровье, успех в романтических отношениях, политические взгляды, субъективное благополучие и пр.²⁰

С учётом соответствующих наработок использование интернет-среды в военных и политических целях, и в частности социальных сетей, стало характерной особенностью политической борьбы. Складывающуюся ситуацию целесообразно рассматривать в том контексте, что в современном мире постоянно увеличивается состав политических субъектов, способных применять в том числе военные средства в достижении собственных целей. Так, участниками военно-политических процессов сегодня выступают не только государства, но и "акторы вне суверенитета": военно-политические блоки, спонтанно организованные социальные движения, террористические группировки, националистически или религиозно мотивированные экстремисты и т.д. В своей деятельности они активно пользуются всевозможными преимуществами информационно-коммуникационного пространства. Хрестоматийным примером в этом плане является состоявшаяся несколько лет назад дестабилизация социально-политической обстановки на территории Ближнего Востока и Северной Африки и на пространстве Содружества Независимых Государств, что привело там не только к смене властных элит, но и к серьёзным военно-политическим последствиям.

Как отмечает российский специалист в области информационного противоборства А. А. Смирнов, тенденция всё более активного участия негосударственных акторов в информационных войнах обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: "во-первых, скрытым (латентным) характером самого международного информационного противоборства, в котором государства стараются не обнаруживать сам факт проведения информационных операций, равно как и участия в них государственных структур. Во-вторых, сложностью атрибуции информационных атак и установления истинных целей их проведения (следует учитывать, что указанная общеизвестная особенность информационного пространства может сознательно использоваться субъектами информационных войн при проведении операций типа ложного флага (*false flag operations*) для возложения ответственности на третью сторону). В-третьих, наличием у отдельных пользователей и их объединений возможностей трансграничного воздействия на объекты глобального информационного пространства"²¹.

В складывающихся обстоятельствах актуализируется вопрос о возможностях мобилизации населения в информационно-коммуникационном пространстве, что, как показывают теоретические наработки и политическая практика, может служить предпосылкой перетекания массового стихийного

²⁰ См., напр.: Youyou W., Kosinski M., Stillwell D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // PNAS. 2015. 27 January. URL: <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full> (дата обращения: 22.08.2019).

²¹ Смирнов А.А. Негосударственные акторы в современных информационных войнах // Междунар. жизнь. 2018. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2020> (дата обращения: 04.10.2019).

поведения из виртуального пространства в реально существующую социально-политическую плоскость.

Исследователи теории социальных движений рассматривали этот феномен как ряд дискуссионных перформансов, демонстраций и кампаний, с помощью которых рядовые граждане реализуют коллективные требования к другим. Так, американский социолог Чарльз Тилли отмечал, что социальные движения являются основным средством привлечения обычных людей к участию в государственной политике²².

В свою очередь, идеолог "нового лейборизма" английский социолог Энтони Гидденс определял социальные движения как "коллективную попытку осуществить общие интересы или добиться общей цели посредством коллективного действия вне рамок установленных институтов". Примечательно, с позиции Э. Гидденса, что "теории революций и теории социальных движений с неизбежностью пересекаются"²³.

В современной социологической теории социальные движения рассматриваются как "массовые коллективные действия одной или нескольких социальных групп, связанные с обеспечением групповых или общественных интересов, потребностей (как материальных, так и духовных) и направленные на социальные изменения или сопротивление им в конфликтном противодействии с другими социальными группами"²⁴. Таким образом, социальным движениям не свойственна высокая степень институционализации, соответственно, для их возникновения достаточно утвердить в сознании отдельных индивидов значимость отстаивания какой-либо социальной проблемы.

Очевидно, что масштабный географический охват социальных сетей, облегчающий трансграничное распространение информации и сочетающийся с широкими возможностями таргетирования аудитории, имеет неопределимую важность для организаторов социальных движений. Обращению к возможностям интернет-пространства как к каналу, обеспечивающему доступ к целевой группе, способствуют также сравнительно невысокая стоимость рекламного контента и возможность практически бесплатного продвижения социально значимых проектов – за счёт создания аккаунтов, постоянного генерирования актуального, интересного и содержательного материала, сотрудничества с аналогичными виртуальными сообществами и т.д.

Кроме того, в пользу задействования преимуществ современного информационно-коммуникационного пространства в целях организации социальных движений свидетельствует и возможность получения быстрой обратной связи от целевых групп. Например, активность участия пользователей в электронных голосованиях, качество комментариев, количество "лайков" и репостов, эмоциональность откликов позволяют сделать выводы о популярности идеи, важности и полезности информации для отдельных личностей (своеобразных лидеров общественного мнения), социальных слоёв и общества страны в целом. Можно предположить, что

²² Tilly C. *Social Movements, 1768–2004*. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2004. P. 131.

²³ Гидденс Э. *Социология* / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 303.

²⁴ См. подробнее: Брега А.В. Политический риск в сетевом обществе: Новая конфигурация // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 3. С. 221–229.

именно с этой целью в виртуальных социальных сетях, как правило, создаются сообщества или публичные страницы ("паблики"), где регулярно добавляются новости с возможностью их комментирования.

Широкому распространению информации о социальных движениях в виртуальном пространстве способствует использование современных мультимедийных технологий, в основе которых лежит сочетание текстового, музыкального, графического и видеоформатов контента, т.е. взаимодействие вербальных и невербальных каналов подачи информации. Такой подход базируется на потенциале меметики – исследовательской области знания и политической практике по продвижению информации посредством создания соответствующих образов в человеческом сознании²⁵.

Американские учёные Дон Бек и Кристофер Кован, изучавшие мем как единицу информации, выделили следующие его характеристики:

- в мемах проявляются глубинные образы мышления;
- мемы влияют на совершаемый человеком выбор;
- мемы могут иметь деструктивный и позитивный характер;
- будучи структурами мышления, мемы влияют на принятие решений, но не формируют убеждения и ценности личности;
- мемы имеют законченный и понятный обществу смысл лишь в рамках конкретного исторического контекста²⁶.

Обширному потенциалу меметики применительно к информационно-психологическому воздействию на массовое и индивидуальное сознание в условиях цифровой среды отдают должное эксперты Пентагона. Так, в опубликованной в 2011 г. презентации "Военная меметика", разработанной специалистами Управления перспективных исследовательских проектов МО США (DARPA) и американской компанией "Роботик Технолоджи" (Robotic Technology Inc.), в частности, указывается, что меметика является революционным инструментом современной информационной войны, ведущейся в рамках противоборства на нейрокогнитивном уровне. Специалисты DARPA констатируют, что эффективное управление процессами в киберпространстве предполагает в том числе моделирование климата и динамики развития социальных сетей, для чего целесообразно использовать наработки в сфере меметических технологий²⁷.

В целом особенности интернет-пространства как коммуникативной среды и задействование соответствующих практик позволяют субъектам управления вполне уверенно ставить перед обществом определённую цель, как правило связанную с выражением коллективного недовольства, поддержки или сопротивления каким-либо социальным изменениям. Об этом, в частности, свидетельствует использование потенциала социальных сетей в качестве инструмента управления обществом и его отдельными группами в недавних событиях европейской политики, имеющих фактурное название – движение "жёлтых жилетов".

²⁵ См. подробнее: *Виловатых А.В.* Меметика как инструмент современного информационного противоборства // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 141–154.

²⁶ *Бек Д., Кован К.* Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М.: Открытый Мир, 2010. 424 с.

²⁷ Tutorial: Military Memetics // Robotic Technology Inc. 2011. 24–26 October. URL: <https://www.robotictechnologyinc.com/images/upload/file/Presentation%20Military%20Memetics%20Tutorial%2013%20Dec%2011.pdf> (дата обращения: 05.06.2018).

В отличие от предшествующих организованных французскими профсоюзами протестов, движение "жёлтых жилетов" было создано исключительно посредством интернет-сервисов. Инициатива призыва к движению исходила от автомобилистки Жаклин Муру из департамента региона Иль-де-Франс, опубликовавшей в мае 2018 г. онлайн-петицию к властям страны с призывом снизить цены на топливо. Данное обращение оставалось малозаметным до момента его опубликования 12 октября 2018 г. национальным изданием "Паризьен" (Le Parisien). Примечательно, что уже 25 октября онлайн-петиция Ж. Муру набрала почти четверть миллиона (225 тыс.) подписей французов, а ещё через месяц их количество превысило миллион²⁸.

Ведущую роль в популяризации движения "жёлтых жилетов" по всей Франции сыграли социальные сети, где люди координировали свои действия, блокируя ключевые узлы в разных точках страны, и, соответственно, парализовали ответные действия власти. В этом плане примечательным фактором выступали названия групп, создаваемых в интернет-пространстве: "Граждане в гневе", "Жёлтые жилеты Руана", "Сердца жилетов: группа взаимопомощи участников движения", "Жёлтые жилеты: следующий этап – блокировка Парижа" и пр. В частности, как отмечал Клоэ Тисье, модератор группы "Автомобилисты Нормандии в гневе", насчитывающей более 50 тыс. человек, идеальной платформой для организации акций "жёлтых жилетов" стал "Фейсбук", поскольку, когда участники движения нуждались в материально-техническом обеспечении, они его получали именно за счёт функционирования сообществ в указанной соцсети: "Когда требуется заблокировать трассу, когда нам нужны ящики, чтобы разжечь огонь, или когда нам не хватает еды, мы отправляем сообщение в группу, и сразу же кто-то приезжает и всё привозит"²⁹.

Постепенно борьба участников движения "жёлтых жилетов" и французских властей распространилась на киберпространство. По оценкам европейских экспертов в области кибербезопасности, со стороны протестующих происходили многочисленные DDoS-атаки³⁰ против сайтов французских госструктур. В частности, кибератакам подверглись официальные сайты Министерства юстиции и Бюро по сбору отчислений в фонд социального обеспечения и помощи семье Франции. Причём, как отмечают специалисты, участники движения "жёлтых жилетов" – далеко не единственные негосударственные субъекты информационного противоборства,

²⁸ Qui sont les internautes à l'origine de l'appel aux blocages contre la hausse du prix du carburant? // Franceinfo. 2018. Novembre. URL: https://www.francetvinfo.fr/economie/automobile/essence/appel-aux-blocages-contre-la-hausse-du-prix-du-carburant-partout-en-france-les-gens-sont-prets-a-se-mobiliser_3003467.html (дата обращения: 10.10.2019).

²⁹ Un mois de prison avec sursis requis contre le "gilet jaune" Eric Drouet // Le Monde. 2019. 15 février. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2019/02/15/eric-drouet-figure-des-gilets-jaunes-au-tribunal-vendredi_5423716_3224.html (дата обращения: 10.10.2019).

³⁰ DoS (*Denial of Service*) – хакерская атака на вычислительную систему с целью довести её до отказа, т.е. создание таких условий, при которых добросовестные пользователи системы не смогут получить доступ к предоставляемым системным ресурсам (серверам) либо этот доступ будет затруднён; DDoS (*Distributed Denial of Service*) – аналогичная хакерская атака на вычислительную систему хорошо защищённой крупной компании или правительственной организации, выполняемая, как правило, одновременно с большого числа компьютеров.

кто применял такую тактику в киберпространстве: это уже происходило в Турции, Каталонии и на Украине³¹.

Социально-политическим последствием деятельности "жёлтых жилетов" стала поляризация французского общества. Движение, первоначально возникшее как протест против налога на топливо, разделилось на группы с самыми разнообразными потребностями. Например, наряду с экономическими требованиями одним из самых популярных стало требование политическое – признать "принцип народного референдума", когда важные реформы правительство должно выносить на всенародное голосование. Этому в том числе способствовал принцип функционирования соцсетей, предполагающий разделение пользователей на сообщества по интересам.

Исследования, проведённые российскими учёными, свидетельствуют об особенностях социальной базы движений, самоорганизующихся в глобальной сети. Так, метод таргетингового анализа с переменными по полу, возрасту, месту проживания и ценностным ориентациям позволил выявить, что ядром протестного движения, организуемого в виртуальном социуме, могут стать молодые мужчины в возрасте 18–34 лет, преимущественно жители крупных городов с населением свыше 1 млн человек. В целом при совокупной выборке в 35 тыс. респондентов 15 тысяч заявляют о том, что точно войдут в протестное движение³².

Гендерный состав исследуемого сообщества указывает на более низкую социально-политическую активность женщин по сравнению с мужчинами: женщины вдвое реже заявляют о своей готовности поддержать протестное социальное движение. Половина декларируемых участников протестной акции (51 %) – это люди от 25 до 34 лет, возраст каждого третьего пользователя (34,2 %) – от 18 до 34 лет. Другие возрастные категории представлены в существенно меньшей степени (от 1,6 до 5,9 %).

Относительно детерминирующими для участия в социальном движении могут считаться три выраженных ценности: саморазвитие (8,6 %), семья и дети (6,3 %) и совершенствование мира (4,2 %). Другие ценностные ориентации (карьера и деньги, развлечения и отдых, наука и исследования, красота и искусство, слава и влияние) не играют существенной роли (от 0,8 до 1,1 %). Примечательно, что большинство декларируемых участников протестной акции (76,1 %) предпочитают игнорировать заполнение данной информации в своём профиле.

Подобные исследования подтверждают, что на современном этапе колоссальный, пока до конца не раскрытый потенциал цифровой среды способствует формированию "общества риска", когда переходу социально-политических систем из состояния порядка в неуправляемый хаос может быть присущ существенно более скоротечный характер, чем ещё несколько десятилетий назад.

В данных обстоятельствах, безусловно, значимым фактором эффективной политики государственных структур становится скорость реагирования на процессы и события в информационно-коммуникационном

³¹ News Feed FYI // Facebook. 2019. URL: <https://newsroom.fb.com/news/category/news-feed-fyi/> (дата обращения: 11.10.2019).

³² Ушкин С.Г. Вовлечённость пользователей социальных сетей в протестные движения // Власть. 2014. № 8. С. 139–140.

пространстве, причём не в ущерб возможности доходчивого разъяснения официальной позиции по значимым для социума вопросам. Последнее крайне важно в резонансных случаях, поскольку способствует убедительному опровержению так называемых фейковых новостей. При этом превентивное создание нарратива, отвечающего национальным интересам страны, может существенно минимизировать негативные последствия деятельности внешних сил в цифровой среде, стремящихся обычно заполнить её "пустоты".

* *
*

Лавинообразное развитие инновационных технологий, применимых для формирования общественного мнения в условиях цифровизации, привело к утверждению так называемой эпохи постправды, которую можно охарактеризовать как информационный поток, намеренно конструируемый с помощью СМИ для создания виртуальной, отличной от действительности реальности с целью манипулирования общественным сознанием.

Постправда стала квазисредой, контекстом, который способствует распространению ложных новостей. Эта квазисреда возникает, когда люди игнорируют факты и правда уже не играет существенной роли, уступая место популистской риторике. И хотя манипулирование массовым и индивидуальным сознанием не является чем-то новым в политической практике, новизна текущей ситуации заключается в том, что переполненность СМИ и социальных сетей сфальсифицированными фактами превысила критический порог, что привело к появлению качественно нового феномена – искривлённого информационного пространства.

Данные обстоятельства не могут не вызывать глубокую озабоченность в свете продвигаемых отдельными государствами попыток на международном уровне утвердить примат концепции неизбежного возникновения конфликтов в информационном пространстве. В стратегических документах ряда западных стран всё более важная роль отводится нетрадиционным инструментам достижения военно-политических целей в киберпространстве³³. Одновременно информационно-психологическое воздействие в интернете (особенно в социальных медиа) всё активнее практикуется государствами, их прокси-силами, а также другими негосударственными акторами мировой политики.

Следствием такой тенденции является подрыв эффективности механизмов, сдерживающих применение силы, при одновременном повышении вероятности её использования нетрадиционными методами. Сохранение и наращивание указанного тренда может спровоцировать ослабление самого каркаса миросистемы и в конечном счёте разбалансировать её устойчивость. Такая опасность многократно возрастает ввиду того обстоятельства,

³³ См. подробнее: *Селянин Я.В.* Технологическое лидерство, роль государства и неоднозначность цифр в высокотехнологичных областях на примере военно-промышленной политики США в области высокопроизводительных вычислений // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 137–167.

что международно-правовые рамки в этой сфере формируются с заметным отставанием.

Соответственно, в эпоху постправды, сопровождающейся динамичным развитием новых технологий информационно-психологического воздействия, и практик возникновения в условиях цифровой реальности социальных движений на первый план для многих государств выходит необходимость консолидации усилий органов государственной власти, СМИ и НПО, а также разработка механизмов межгосударственного диалога по реагированию на современные и перспективные угрозы безопасности в информационной сфере.

Ключевые слова: *технологии – фейковые новости – эпоха постправды – социальное движение – движение "жёлтых жилетов" – информационно-психологическое воздействие – общественное мнение – массовое сознание – безопасность.*

Keywords: *technologies – fake news – the age of post-truth – social movement – the "yellow vest" movement – information-psychological impact – public opinion – mass consciousness – security.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек Д., Кован К. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М.: Открытый Мир, 2010. 424 с.
2. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011.
3. Брега А.В. Политический риск в сетевом обществе: Новая конфигурация // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 3. С. 221–229.
4. Виловатых А.В. Меметика как инструмент современного информационного противоборства // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 5 (50). С. 141–154.
5. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
6. Миловидов В.Д. Инновации, устойчивый рост и энергетика: Возможен ли цивилизационный рывок? // Форсайт. 2019. Т. 13. № 1. С. 62–68.
7. Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 335 с.
8. Модестов С.А., Никитин Д.А., Рабчевский Е.А. Социальные сети как театр информационного противоборства в условиях современной "гибридной" войны // Вестник Академии военных наук. 2019. № 3.
9. Нестик Т.А., Михеев Е.А. Информационные войны с использованием систем искусственного интеллекта: Анализ психологических механизмов воздействия / Ин-т психологии РАН // Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С. 148–175.
10. Николаевич И.С. Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. СПб.: Питер, 2018. 320 с.
11. Селянин Я.В. Технологическое лидерство, роль государства и неоднозначность цифр в высокотехнологичных областях на примере военно-промышленной политики

США в области высокопроизводительных вычислений // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 5 (56). С. 137–167.

12. *Сидненко Г.Ф.* Информационное противодействие терроризму: Политологический аспект. М.: Триумф, Лучшие книги, 2019. 220 с.

13. *Смирнов А.А.* Негосударственные акторы в современных информационных войнах // Междунар. жизнь. 2018. № 5. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2020> (дата обращения: 04.10.2019).

14. *Соколов А.В., Соловьёва А.В.* Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. 2013. Т. 21. № 11. С. 55–58.

15. *Ушкин С.Г.* Вовлечённость пользователей социальных сетей в протестные движения // Власть. 2014. № 8.

16. *Чугров С.* Post-truth: Трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Полит. исслед. 2017. № 2. С. 42–59.

17. Amid rise of "fake news", authorities should ensure truthful info reaches public // United Nations. 2017. 10 March. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/03/553122-amid-rise-fake-news-authorities-should-ensure-truthful-info-reaches-public-un> (дата обращения: 08.10.2019).

18. Definition of post-truth in English // Oxford Dictionaries. Lexico Dictionaries. 2019. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/post-truth> (дата обращения: 10.10.2019).

19. *Gray I.* Iain Gray: Beware the black art of post-truth politics // The Scotsman. 2012. 1 March. URL: <https://www.scotsman.com/news/opinion/iain-gray-beware-the-black-art-of-post-truth-politics-1-2146059> (дата обращения: 25.09.2019).

20. *Harsin J.* Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies // Communication, Culture & Critique. 2015. No. 8 (2). P. 327–333.

21. News Feed FYI // Facebook. 2019. URL: <https://newsroom.fb.com/news/category/news-feed-fyi/> (дата обращения: 11.10.2019).

22. Qui sont les internautes à l'origine de l'appel aux blocages contre la hausse du prix du carburant? // Franceinfo. 2018. Novembre. URL: https://www.francetvinfo.fr/economie/automobile/essence/appel-aux-blocages-contre-la-hausse-du-prix-du-carburant-partout-en-france-les-gens-sont-prets-a-se-mobiliser_3003467.html (дата обращения: 10.10.2019).

23. *Slaughter A.-M.* Connections, not armies, make countries powerful // Financial Times. 2016. April. URL: <https://www.ft.com/content/21973144-0544-11e6-9b51-0fb5e65703ce> (дата обращения: 23.07.2019).

24. *Slaughter A.-M.* The real new world order // Foreign Affairs. 1997. September/October. URL: http://www.columbia.edu/itc/sipa/S6800/courseworks/real_new_slaughter.pdf (дата обращения: 23.07.2019).

25. The Echo Chamber Revisited // WNYC. 2011. 17 June. URL: <https://www.wnyc.org/story/143347-echo-chamber-revisited/#transcript> (дата обращения: 13.09.2019).

26. The UK's EU membership fee // Full Fact. 2016. 25 February. URL: <https://fullfact.org/europe/our-eu-membership-fee-55-million/> (дата обращения: 10.10.2019).

27. *Tilly C.* Social Movements, 1768–2004. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2004. 262 p.

28. Tutorial: Military Memetics // Robotic Technology Inc. 2011. 24–26 October. URL: <https://www.roboticstechnologyinc.com/images/upload/file/Presentation%20Military%20Memetics%20Tutorial%2013%20Dec%2011.pdf> (дата обращения: 05.06.2018).

29. Un mois de prison avec sursis requis contre le "gilet jaune" Eric Drouet // Le Monde. 2019. 15 février. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2019/02/15/eric-drouet-figure-des-gilets-jaunes-au-tribunal-vendredi_5423716_3224.html (дата обращения: 10.10.2019).

30. *Weedon J., Nuland W., Stamos A.* Information Operations and Facebook // Facebook. 2017. 27 April. URL: <https://fbnewsroomus.files.wordpress.com/2017/04/facebook-and-information-operations-v1.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

31. *Youyou W., Kosinski M., Stillwell D.* Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // PNAS. 2015. 27 January. URL: <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full> (дата обращения: 22.08.2019).